

Это был первый раз, когда Нань И зашел в этот ремонтный магазин.

Ци Мо, который сидел внутри и учил школьника устанавливать систему, увидев его и Цзян Тянь, под козырьком кепки мелькнул удивленный взгляд.

Но вскоре он вежливо встал, поправил маску, висевшую на подбородке, и спросил, что им нужно.

Весь процесс Нань И не произнес ни слова, просто стоял в стороне, позволяя Цзян Тянь возбужденно рассказать обо всем, что произошло.

Люди, выросшие в избалованности, всегда умеют выдвигать требования, как из пулемета, сыпя словами «быстрее», «обязательно починить» и тому подобное.

Через пять минут они вышли из ремонтной мастерской.

На улице был сильный ветер, желтые листья поднимались в воздух, сплетаясь с черными мусорными пакетами, а затем вместе падали.

После стольких усилий, наконец, был достигнут огромный прогресс, это должно было быть радостным событием, но Нань И не чувствовал особого возбуждения. Слишком долго находясь в ненависти, шаг за шагом идя с трудом, он не мог получить никаких положительных эмоций от этого дела.

- Оказывается, ремонт займет три дня, к счастью, мой папа вернется только через неделю. - сказала Цзян Тянь, затягивая свое белое пальто из кашемира, - Если бы он узнал, он бы точно меня убил.

- Извини, это я нечаянно.

Сразу уйти после получения вещи было бы странно, поэтому Нань И выразил сожаление, и, как он и ожидал, Цзян Тянь начала наглеть.

- Если ты действительно сожалеешь, то поужинай со мной. - она улыбнулась, - Я знаю один очень хороший ресторан.

Хотя каждая минута, проведенная с ней, была пыткой, чтобы максимально ослабить ее бдительность, Нань И не отказался.

Сев у окна, за которым были черные сухие ветви, а вдалеке - чистые серо-белые стены зданий, они отражались друг в друге, как разбитый белый глиняный кувшин.

Жемчуг на шее Цзян Тянь тоже был белым, под светом лампы над столом он отливал мягким розовым оттенком.

Это напомнило Нань И о видео, которое показывали ему родители Сюй Юя, где Сюй Юй был в светло-розовой рубашке, жемчужные пуговицы которой были аккуратно застегнуты, но вскоре их сорвала Цзян Тянь, пуговицы упали на кафельный пол, издавая тонкий звук.

Но крики о пощаде были громкими.

- Почему ты не ешь? Тебе не нравится европейская кухня?

Услышав ее вопрос, Нань И смотрел на ее лицо, в его голове постоянно сменялись образы, пока

они не слились с тем, что смеялся на видео.

Смех был красным, плач – зеленым, грубо смешанные вместе, как салат перед ним, их невозможно было разделить. Люди, наслаждающиеся унижением, никогда не выделяют что-то одно, они всегда съедают и свое удовольствие, и чужую боль.

- Не нравится. - сказал Нань И.

Он резал стейк на тарелке, чувствуя запах, но ему хотелось вырвать.

Каждую секунду, сидя лицом к лицу с Цзян Тянь, он думал о Цзян Чжэне, о Чэнь Шаньхуне, а затем о бабушке и дяде. Это было пыткой для зрения и обоняния, внимание переключилось на слух, и Нань И мог только отвлечься, слушая музыку, играющую в ресторане.

Новая песня была стандартным пост-роком. Инструментальная аранжировка была простой, электрогитара с дисторшном создавала слегка мрачную атмосферу, как долгий дождь.

Но, к его удивлению, в последней трети песни внезапно появился вокал, певший несколько повторяющихся строк на английском.

Этот голос был отчасти знаком, Нань И не удержался и достал телефон, чтобы распознать песню, и результат поиска заставил его на мгновение замереть.

Это была песня [Уголка хаоса].

Он открыл страницу альбома и обнаружил, что это новый сингл, выпущенный три месяца назад, под названием «Воспоминание».

А открыв страницу с текстом, он также нашел причину, почему эта песня так отличается от предыдущих работ «Уголка хаоса» - тексты и музыка были написаны Сюй Сы, басистом группы.

Сюй Сы редко писал песни самостоятельно, эта песня не вписывалась ни в один альбом «Уголка хаоса», но отлично подходила бы как аутро для пост-рок альбома.

- А какой человек тебе нравится?

Не слушая ее внимательно, Нань И не понял, как Цзян Тянь перевела разговор на эту тему.

- Добрый. - он признал, что сказал это специально.

Но человек, не знающий раскаяния, не чувствует такого укола. Цзян Тянь улыбнулась:

- Это слишком расплывчато, что еще?

Смотря на несколько строк текста, его уши были заполнены напевным голосом Сюй Сы.

[Я всегда вспоминаю видеопрокат, который теперь продаёт десерты.]

Почему-то он действительно попал в ловушку этого вопроса, в его голове непроизвольно возникло лицо, как будто это и был ответ.

Он инстинктивно подпер голову рукой – это была привычка другого человека – и тихо сказал:

- Странный человек.

- Странный человек?

Нань И не хотел больше смотреть на экран телефона, поэтому выключил его, но все еще опустил глаза и ровно сказал:

- Человек с сверхспособностями.

Цзян Тянь засмеялась еще громче, как высоко поднятая веревка, ударяющая по ушам Нань И.

- Нань И, ты иногда действительно умеешь шутить холодными шутками.

Нань И тоже усмехнулся, ничего не сказав.

Его телефон завибрировал, это был звонок от Чжияна, которого он просил позвонить полчаса назад.

Используя этот запланированный звонок, Нань И прекратил это шутовское «свидание», сославшись на срочный вызов от продюсеров, и покинул душный ресторан, поймав такси.

Цзян Тянь выбежала за ним, стоя на обочине, ее тщательно уложенные кудри были растрепаны ветром.

Она поспешно остановила закрывающуюся дверь и спросила:

- В следующий раз пойдешь ко мне смотреть орхидеи?

Нань И, прикрывая микрофон телефона, улыбнулся ей:

- Подождем, пока они зацветут, смотреть на листья неинтересно.

- Но это будет только летом. - Цзян Тянь сначала инстинктивно расстроилась, но вскоре снова улыбнулась, ошибочно приняв это за его намерение продлить их договоренность до следующего лета.

- Да. - уголки губ Нань И поднялись, но глаза были холодными, - Летом поговорим.

Только неизвестно, будет ли это твой дом следующим летом.

И будут ли эти дорогие орхидеи также опечатаны.

Машина удалялась, белое пальто исчезло в зеркале заднего вида.

- Кто это? - спросил Чжиян по телефону.

- Никто. - Нань И заметил, что его голос звучал слабо, нахмурился, - Ты заболел?

- Нет. - голос на другом конце сразу оживился.

- Что-то болит? Я приеду к тебе в школу.

Но Чжиян отказался.

- Не нужно, Сяо И, я не в школе, вечером вернусь на запись шоу, увидимся тогда.

Его первой мыслью было, что Чжиян, возможно, был с Янь Цзи, но странно, что если бы он действительно был с Янь Цзи, почему он выглядел таким подавленным?

Нань И очень хотел вмешаться, но чувствовал, что Чжиян, похоже, что-то скрывает, и его вмешательство может показаться слишком резким.

Они уже не дети.

- Если что-то беспокоит, скажи мне. Я составлю тебе компанию выпить.

- Да ну! - Чжиян наконец засмеялся, - Мастер управления велопрокатом, тебе лучше не пить.

Нань И тоже засмеялся.

Закончив разговор, он вернулся в школу, подошел к своему мотоциклу, только открыл замок, как получил звонок от Ци Мо.

Он, похоже, тоже был на улице, на другом конце было шумно.

- Почему ты не использовал то, что я тебе дал? - Ци Мо сразу перешел к делу.

- Неудобно, не было возможности отвлечь ее.

Ци Мо засмеялся:

- Конечно, она не сводит с тебя глаз.

Он помолчал, затем добавил:

- Но вы оба появились так внезапно, я не ожидал, что вы просто принесете компьютер, разве это не слишком заметно?

- Ничего, это только кажется заметным. - Нань И прислонился к мотоциклу, - Это она сама предложила мастерскую, я даже сказал, что это может быть ненадежно, лучше отнести в официальный сервис, но она боялась, что отец узнает о ремонте, и настояла не идти туда.

- Она сама привела человека домой, сломала компьютер, чтобы не быть руганной, она сама скроет все, что произошло.

Ветер растрепал его волосы, Нань И поправил их.

- Она каждый день входит и выходит из подъезда, видит ваш магазин и листовки, уже неосознанно приняла психологическую подсказку, весь процесс я не участвовал, все решения она приняла сама.

Ци Мо понял.

Даже если позже что-то произойдет, Цзян Тянь, вспоминая, вряд ли свяжет это с тем, кого она так старалась заполнить, ведь это она сама уговорила Нань И прийти.

Она подумает, что данные с компьютера украли в мастерской.

Именно поэтому с самого начала Нань И попросил его устроиться в эту мастерскую под чужим именем, следить за ней было только одной из целей, это была подготовка к плану Б.

- Понял, я быстро восстановлю данные и внедрю вирус для копирования мониторинга.

Но Нань И сказал:

- Не торопись, если действительно ничего не найдем, тогда внедрим. Если что-то будет, лучше не трогать.

После того как Ци Мо повесил трубку, он надел шлем и сел на мотоцикл.

Он не стал использовать вирус, который дал ему Ци Мо, не только из-за неудобства.

Когда он придумал план, как заставить Цзян Тянь «самой попасть в ловушку», он отказался от этого, казалось бы, скрытного, но рискованного метода.

В конце концов, активное взлом и утечка данных с личного компьютера и «пассивное обнаружение» во время ремонта – это два совершенно разных мотива с юридической точки зрения.

В глазах Нань И, Ци Мо никогда не был просто частью плана или пешкой, он был другом, стоящим на той же позиции, что и он.

Хотя он понимал, что с того момента, как Ци Мо без колебаний вернулся в страну, чтобы участвовать в этом темном плане, он уже был готов бросить все и пойти на крайние меры. Но Нань И все же надеялся максимально уменьшить влияние этой мести на его будущее.

Вспоминая слезы Ци Мо, когда он впервые увидел без сознания Ли Буяня, вспоминая его вздувшиеся вены и болезненные крики, когда он узнал правду о аварии, Нань И словно увидел себя в семь и пятнадцать лет.

Они были двумя сторонами одного плана, светом и тьмой. Если нужно было измерить право на счастье, то Ци Мо и он должны были быть равны.

Ехав на мотоцикле, Нань И в хаосе ветра вновь обрел чувство контроля. План шаг за шагом воплощался, и для него это было самым надежным.

Но почему-то он все время вспоминал ту песню, которая так не походила на «Уголок хаоса».

Голос Сюй Сы, как призрак, бродил в его сознании. Это был первый раз, когда Нань И, как музыкант, признал его творчество.

В его глазах Сюй Сы был как тонкий тростник. Его внешность излучала хрупкую красоту, красивую, но с слабой жизненной силой, его творчество было таким же, качающимся на ветру, под напором сильного ветра Цинь Юя, он выбирал следовать его направлению, создавая нужные басовые линии, а затем, сменив гитариста и вокалиста, он также плыл в новом направлении, подстраиваясь под новый стиль.

Это был первый раз, когда Нань И почувствовал его независимое творчество, искреннее и полное эмоций.

Но он не мог полностью воспринимать эту песню с позиции чистого музыканта, потому что Нань И остро заметил, что эти несколько строк на английском явно указывали на одного человека.

В переводе, эта едва уловимая эмоция становилась еще более очевидной.

[Я всегда вспоминаю тот видео-магазин, хотя теперь он продает десерты.

Между макаронами и швейцарскими рулетами, мы с тобой одновременно потянулись к одной пластинке.

Я сфотографировал твою улыбку, навсегда оставшуюся на обложке прошлого.

Не доеденный торт на день рождения, слова, которые ты притворился, что не понял.

Я иногда вспоминаю все это.]

Под влиянием этой песни, Нань И с опозданием осознал, что он вернулся в свою и Цинь Июя школу.

И в школу Сюй Сы.

Он припарковал мотоцикл снаружи и вошел внутрь, здесь в выходные было тише, чем обычно, зимой особенно, многие магазины у ворот школы были пусты.

Без цели бродить и останавливаться – это то, что Нань И редко делал, но он не знал, что сегодня с ним случилось.

Холодный ветер резал щеки, безжалостно проникая в кости. Идя, он вдруг остановился.

Он остановился перед кондитерской, через стеклянную витрину он увидел теплые тона витрины с десертами, и аккуратно разложенные макаруны и швейцарские рулеты.

Возможно, он стоял слишком долго, что даже привлек внимание официантки. Девушка в розовом фартуке вышла с подносом для дегустации, улыбаясь, предложила Нань И попробовать миниатюрный торт.

Нань И наконец вышел из чужих воспоминаний, его взгляд встретился с его отражением в стекле.

Какой мрачный.

- Извините. – он отказался, – Я не ем сладкое.

В глазах официантки мелькнуло недоумение.

Да. Человек, который не ест сладкое, стоит перед кондитерской так долго, это странно для любого.

Нань И ничего не сказал, развернулся и ушел.

Он хорошо помнил этот видео-магазин, потому что это было место, куда Цинь Июй чаще всего прогуливал уроки.

Иногда он проводил здесь целый день, а Нань И сидел в чайной напротив, через улицу, через две стеклянные витрины, наблюдая за Цинь Июем, слушающим музыку в наушниках.

После того как магазин закрылся, он больше не приходил сюда.

Оказывается, теперь здесь продают десерты.

Оказывается, в этом магазине произошла история, о которой он не знал. В том же месте, возможно, раньше, Сюй Сы, учившийся в одном классе с Цинь Июем, здесь случайно выбрал ту же пластинку.

Так они познакомились? Затем стали друзьями с общими интересами, потом стояли в углу вместе, и наконец стали участниками одной группы?

Стоп.

Нань И резко затормозил на красном свете.

Он впервые осознал, что Цинь Июй не был главным героем только его воспоминаний.

Он был живым человеком, говорил и взаимодействовал с бесчисленными людьми, его жизненный путь пересекался с множеством других, создавая воспоминания, о которых он не знал и в которых не участвовал.

Это было ужасно.

Самое ужасное было в том, что сейчас он чувствовал себя очень задыхающимся. Его чувство собственности бешено росло в груди, закрывая каждое окно, делая все душным.

Разве это не нормально? Нань И сказал себе. Это он всегда намеренно игнорировал существование «Уголка хаоса», но оно реально существовало.

Именно поэтому он не мог скрыть отвращения, когда другие упоминали об этом, и говорил такие уничтожающие слова, как «прошлое не считается».

Узнав правду об исключении Цинь Июя из группы, он естественно поставил новую цель: добиться успеха для «Момент звезды», огромного успеха.

Не ради славы и богатства в общепринятом смысле, а чтобы новой группой, его и Цинь Июя группой, полностью стереть место «Уголка хаоса» в сердце Цинь Июя, уничтожить все те блестящие, но также и грязные воспоминания, оставив только совершенно новые воспоминания, принадлежащие им.

Тогда Нань И думал, что это просто его обычная одержимость.

Оказывается, нет.

Он также прочитал комментарии к «Воспоминание».

Не только он мог догадаться, о ком эта песня, оказывается, все догадывались, и это было слишком очевидно.

[Это похоже на песню о тайной любви.]

[Или о расставании...]

[Так что же случилось в тот день рождения? Чей это был день рождения?]

[Фотография, упомянутая в тексте, которая стала обложкой, это ведь первый альбом «Уголка хаоса»? Оказывается, это Сюй Сы сфотографировал...]

Вернувшись в парк, Нань И припарковал мотоцикл, телефон завибрировал – это было сообщение в общей группе СВ от Янь Цзи.

[Говорят, что в последнее время в производственной группе серьезные разногласия, это может повлиять на шоу, по словам сотрудников, возможно, добавят специальный эпизод, чтобы изменить формат.]

Остальные начали обсуждать, но Нань И не обращал внимания, переключил приложение, но инстинктивно (непроизвольно) вернулся в музыкальное приложение, которое использовал ранее.

Под влиянием какого-то чувства, он открыл страницу исполнителя, листал альбомы, пока не дошел до конца.

Палец остановился на самом первом альбоме «Уголка хаоса», кончик пальца прижал улыбающееся лицо Цинь Июя.

Это была крупная фотография на пленке, сделанная в то же время года, зимой.

Это нельзя было назвать иначе как живым. Всего лишь статичное фото, а он мог слышать юношеский смех Цинь Июя, видеть, как он выдыхает белый пар, и как, увидев сугроб, он раскидывал руки и падал в него.

Он даже сохранил этот альбом, как мишень, «смотря» на десятилетнего Цинь Июя на обложке.

Но только сегодня он узнал, кто был за кадром.

Самое беспомощное для Нань И было то, что в тот момент улыбка Цинь Июя не принадлежала ему, но была полностью искренней, и он не мог это отрицать.

Сердце сжалось от незнакомого чувства, выжимая кислый сок.

Эта обложка не исчезала.

Лицо Цинь Июя занимало большую часть кадра, его слегка вьющиеся волосы были пушистыми, растрепанными ветром, прямой нос слегка покраснел от холода. Он держал во рту леденец, белый пар выходил из уголков рта, туманно закрывая нижнюю часть лица, делая глаза особенно яркими, черные зрачки отражали свет снега.

Постепенно, эта фотография словно оживала, как будто под действием какого-то колдовства.

Белый пар рассеивался, волосы становились длиннее, уголки рта поднимались выше, белая палочка во рту удлинялась, темнела, а яркий свет снега и объектив в черных зрачках постепенно превращались в лицо.

Приглядевшись, это было лицо самого Нань И.

- О чем ты задумался?

Цинь Июй, сидящий на диване, улыбался так же, как раньше. Он держал во рту «Печенье-палочку», а другую протягивал Нань И.

Конец печенья касался губ Нань И.

- «Момент звезды» уже здесь? - сотрудник постучал в дверь, - Можно начинать готовиться к записи, через полчаса начнем репетицию.

Печенье так и не убрали.

Нань И отвел взгляд, встретился глазами с Цинь Июем, и почувствовал, что он, кажется, такой же, как тогда, но и не совсем.

- Ешь быстрее. - голос Цинь Июя был тихим, с ноткой уговора.

Но Нань И взял печенье рукой, его взгляд опустился на татуировку на шее Цинь Июя, каждая буква которой принадлежала ему.

Только в этот момент он наконец почувствовал присутствие кислорода.

Но вскоре, выйдя из состояния удушья, Нань И осознал.

18-летний мальчик, выросший на ненависти, в этот момент полностью понял, что он действительно влюбился в этого человека, давно влюбился.

Оказывается, его любовь тоже не была прекрасной, она была такой же безумной, как и ненависть, и если не присмотреться, можно было подумать, что это острый нож, вонзающийся в сердце.

Имя этого лезвия - ревность.

<http://bllate.org/book/14694/1313198>